

УДК 94(37)"303/339"(093.3)

А. С. Козлов

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТРАКТАТА *VITA CONSTANTINI*

Исследование раскрывает проблему жанровой принадлежности трактата *Vita Constantini*, созданного Евсевием, епископом Кесарийским, в конце 30-х гг. IV в. Рассматривается новаторство Евсевия, объединившего в трактате свойства панегирика, церковной истории, агиографии и античного жизнеописания. Ни один из этих жанров не довлеет над другими в трактате, представляющем незавершенный их синтез. Разработка Евсевием такого синтеза имела целью презентовать императора Константина I не как исторического правителя (в античном смысле), а как воплощение в великом человеке Божьего замысла (в помощь утверждению христианской веры во всей Римской империи). Изображаемые в трактате Евсевия деяния Константина оказываются знаками реализации такого замысла.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евсевий Кесарийский, *Vita Constantini*, Константин I, позднеантичная историография.

В двух предыдущих статьях, посвященных уникальному историческому трактату *Vita Constantini* («Жизнь Константина», далее – *VC*), принадлежащему перу Евсевия, епископа Кесарии Палестинской (ок. 260–339 гг.) (одного из родоначальников жанра позднеантичной христианской хроники и жанра церковной истории) [см.: Кривушин, с. 11, 57–58; Burgess, Witakowski, р. 21–22], я разбирал в основном проблемы аутентичности, эволюции и источников этого документа. Речь шла прежде всего о поисках дополнительных аргументов в пользу концепции о тесной связи изменений текста трактата, связанных как с судьбой самого Евсевия, так и с изменением политической ситуации в Восточной Римской империи сразу после смерти в мае 337 г. героя сочинения, императора

Константина I [см.: Козлов, 2016; Козлов, 2017]. Однако понять смысл *VC* (и его эволюцию) нельзя без соотнесения этого документа с определенным видом текстов III–IV вв., ибо содержательные и формальные черты трактата оказались слишком оригинальны для своего времени.

Даже такие современные специалисты по творчеству Кесарийца, как Эв. Камерон и С. Хэлл, представляющие всю сложность историографии вопроса, охарактеризовали трактат Евсевия как «литературный гибрид» [см.: Cameron, Hall, p. 27]. Однако такая оценка вряд ли может считаться удовлетворительной хотя бы потому, что некорректно представлять подобный документ неким синтезом двух самостоятельных жанров – имперского энкомия и историко-агиографического нарратива¹. Недаром такой знаток текстов Евсевия, как Т. Барнс, с одной стороны, стремится отнести почти каждый пассаж *VC* с этикетом «обычной поминальной речи по умершему монарху» [Barnes, 1989, p. 102], «речи, составленной Евсеем в 337 г. и начатой предположительно тогда, когда он услышал о смерти Константина 22 мая» и отредактированной после 8 сентября [Ibid., p. 104]. С другой стороны, английский исследователь говорит о «весьма грандиозном и детальном изложении и... связном повествовании» [Ibid., p. 108]. Ж. Моро, наоборот, считает трактат Евсевия только панегириком [см.: Moreau, Sp. 1073–1075; ср.: Ващева, с. 232–233].

Самого пристального внимания, по-моему, заслуживает мнение К. М. Жирарде, согласно которому *VC* «является интерпретацией, а не историческим рассказом, историзирующим панегириком, а не научным, биографическо-историческим трудом» [Girardet, s. 71]. Конечно, «интерпретация» – это не жанр, но мысль Жирарде ясна: Кесариец решал в комплексе несколько задач: изучал исторические реалии и вскрывал как профессионал-эксегет скрытое в высокомудых деяниях своего героя, смысл которых часто был непонятен многим современникам, отсюда – конкретные изыскания автора на пограничье теологии и психологии. Лишь исходя из подобной предпосылки, Жирарде считает возможным подходить к рассмотрению закономерностей становления формы и содержания такого документа, как *VC*.

По мнению немецкого исследователя, трактат не имеет «панегирического характера», он, как указывает сам Евсевий (Ibid., I, 10–12), «является незавершенным биографическим трудом, несущим многообразные следы неуклюжести, отсутствия навыка в осуществлении замысла»

¹ Уточнение подобных оценок см.: [Barnes, 1994, p. 4–8]. Детальную критику мнения Барнса см.: [Cameron, 1997, p. 93].

[Girardet, s. 58]. Первым на такого рода свойства труда Евсевия указал И. А. Хайкель [см.: Heikel, s. XLV–XLVII]. В разной степени к подобной характеристике трактата склонялись с 60-х гг. XX в. И. Штрауб, Ф. Винкельман, Д. С. Уоллес-Хэдрилл, Р. Фарина [см.: Straub, s. 106–107, 116–117, 148–149; *VC*, s. XLIX; Wallace-Hadrill, p. 43–44; Farina, p. 16–23], а из наших современников – Эв. Камерон и Г. Дрейк [см.: Cameron, 1997, p. 82–83; Drake, 1975, p. 20–38].

Следует помнить, что Евсевий был писателем-новатором и в ряде иных жанров, а сама задача создания рассказа о христианском императоре ставила перед автором новые проблемы и заставляла искать новые решения. И даже если считать, что Евсевий не был особенно успешным писателем [см.: Tartaglia, p. 22], то ему следует отдать должное за экспериментаторство при создании *VC*, позволившее продемонстрировать интеллектуалам того времени новые возможности в историографии, публицистике, агиографии и т. д.

Примечательно, что даже вводные главы трактата [*VC*, I], хотя и апеллируют к банальным для христианских энкомиев тезисам, также позволяют поместить сей литературный документ в контекст интеллектуальных новаций и оригинальной аккомодации автора к новым идейно-политическим обстоятельствам благодаря ссылке на факт превращения в Августов детей Константина (*Ibid.*, I, 1), а это доказывает, что введение (как и заключение), было написано по крайней мере после сентября 337 г., без сомнения, после завершения основной части работы². Импульс к подобному завершению труда был сугубо политическим: Евсевий счел нужным призвать сыновей Константина продолжить дело отца³. Однако даже если считать трактат (точнее, его литературно-политическую отделку) незавершенным, несомненно, что автор уделил пристальное внимание именно литературно-документационной стороне своего сочинения и не случайно снабдил *VC* такими вступительными и заключительными главами.

Наиболее значимыми приемами Евсевия, использованными для подчеркивания политической актуальности трактата, представляются следующие. В нескольких разделах *VC* утверждается, что Константин продолжает жить в самом факте царствования своих сыновей (см.: *Ibid.*, I, 1; I, 1.9; IV, 72). В полном соответствии с средневековым церковно-литера-

² Об этом см.: [Pascuali, s. 369–386; Barnes, 1989, p. 94–123; Barnes, 1994, p. 1–11; ср.: Cameron, 1997, p. 245–274; Козлов, 2016, с. 121].

³ Наиболее подробно о мотивах, содержании и формах этого призыва см.: [Cameron, 1997, p. 245–274].

турным этикетом Евсевий подчеркивает скудость своей мысли и авторскую некомпетентность перед величием того, что он собирается отобразить (см.: *IC*, I, 1.2–2.3). Подчеркивается, что памятники искусства, скульптуры и надписи, пусть даже и используются для поминаения усопших, все же глупы по сравнению с наградами, кои Бог даровал Константину (см.: *Ibid.*, I, 3.2). Евсевий преподносит миссию Константина как свержение гонителей и их религии, а также как демонстрацию примера истинного благочестия. С другой стороны, в духе античного панегирика или жизнеописания автор утверждает, что Константин превзошел величайших завоевателей прошлого, Кира и Александра, не только по размаху своих завоеваний, но и по благочестивому образу жизни и смерти (см.: *Ibid.*, I, 9). Тут же говорится о преемственности добродетели Константина, полученной им от отца и переданной ныне сыновьям.

Отмеченные суждения, безусловно, служат подходами к обозначению предмета трактата. Сам предмет, будучи интегрирован с целеполаганием, преподнесен в виде упрощенной схемы, характерной для современной Евсевию античной биографии типа тех, что были включены в компендиум *Scriptores Historiae Augustae*⁴. Логика проста – если пишутся сочинения о предосудительных правителях, то тем более следует писать о хороших (см.: *Ibid.*, I, 10). Но мотив реализации такой цели в трактате отличается от античных образцов. Хотя Евсевий и утверждает, что ограничится описаниями богоугодных деяний Константина, не останавливаясь на его войнах, сражениях с врагами и т. п. (см.: *Ibid.*, I, 11), но обещание это соблюдается своеобразно, ибо констатируемые автором военные мероприятия поданы как религиозные войны. Ярче всего это видно при сравнении Константина с Моисеем, когда победа над Лицинием представлена как избавление христиан от преследований. Более того, царствование Константина следует рассматривать как предначертанный Богом путь, подобный тому, что был предначертан Моисею, дабы увести свой народ из Египта и обрести Закон (см.: *Ibid.*, I, 12). Целеполагание трактата обладает также эстетическим и дидактическим зарядом: автор

⁴ Компендиумы подобного типа (и тем более Плутарха или Корнелия Непота) Евсевий вряд ли считал достойными образцами; прямую связь Кесарийца с такой традицией исследователи не устанавливают [см.: Cameron, Hall, p. 21; Drake, 1988, p. 20–38; Barnes, 1989, p. 108–109; Hall, p. 239–263; Ващева, с. 182–207]. Косвенная связь с ней может быть отслежена через специфическое отражение в *IC* принципов и частных свойств жизнеописания Аполлония Тианского [см.: Dzielska, p. 136–147].

сравнивает свою задачу с задачей живописца, рисующего «словесный портрет» Константина [см.: Cameron, 1997, p. 246–248], и труд сей представляется поучительным, ибо он не просто даст полезную летопись добродетели или продемонстрирует красоты высокого стиля⁵, а продемонстрирует гарантированно правдивый рассказ, ибо автор видел и знал героя этого повествования, беседовал с ним (см.: *VC*, I, 10)⁶.

Следует учитывать, что дискуссия по поводу жанровой принадлежности «Жизнеописания Константина» началась с его структурного анализа и сконцентрировалась на восприятии его как сочетания биографии и энкомия [см.: *VC*, s. XLI–XLIII; Tartaglia, p. 7–15; см. также: Cameron, 1997, p. 250–253]. Между тем при взгляде на изложение Евсевием природы своей работы (см.: *VC*, I, 10–11) становится ясен разножанровый характер предшественников трактата. Евсевий сравнивает свой труд с предыдущими «историями», жизнеописаниями и «деяниями», написанными с целью классического эпидейксиса (см.: *Ibid.*, I, 10). Поэтому неудивительно, что он вспоминает Деяния апостолов и помещает трактат в эллинистическую историографическую традицию [см.: Morley, p. 174–177]. Для обозначения этой процедуры (и своего творчества в целом) автор использует глагол *ἱστορεῖν*, а «Жизнеописание Константина» он нигде не называет термином *ὁ βίος* (точно так же не называет это сочинение подобным образом ни одна дошедшая до нас рукопись трактата), предпочитая именование *εἰς τὸν βίον* [см. об этом: Wilson, p. 107–135]. В той же главе он говорит, что с презрением отвергает классическую риторику. Можно согласиться с Паскуали, Барнсом и другими исследователями в том, что «Жизнеописание» не является цельным литературным сочинением, что оно не было написано в один прием, а более поздние интерполяции были сделаны самим Евсевием. Однако неясно, в течение какого времени выполнялась такая работа. К этому необходимо добавить, что книга IV не является в полной мере ни энкомием, ни повествованием в манере «историй» античных авторов IV в., демонстрируя элементы того и другого жанра. Барнс признает, что композиция книги «неряшлива» (как и ряда других разделов

⁵ Здесь Евсевий пишет в манере двух жанров эллинистической документации – этической биографии и всеобщей истории; его образцом могло быть жизнеописание Александра, созданное Плутархом [Morley, p. 31–32, 74–77].

⁶ Ф. Хайм, проанализировав гл. 1–11 первой книги «Жизнеописания», пришел к выводу, что их цель – показать, как успех Константина (констатируемый в *VC*, I, 4–9 и резюмируемый в заключительных главах) зависел от благочестия императора [см.: Heim, p. 90–91].

трактата) [см.: Barnes, 1989, p. 95]. Но в то же время многие недостатки композиции, структуры *ИС* часто объясняются (в том числе и Барнсом) незавершенностью документа в связи со смертью автора [см.: Ibid., p. 104].

Тем не менее, первые одиннадцать глав книги I, а также гл. 71–75 книги IV, безусловно, принадлежащие перу Евсевия, связаны с трактатом именно как с целостным документом, и точно так же, как автор позволил себе остановиться на известной нам конечной версии «Церковной истории» (несмотря на ее отдельные нестыковки и поспешность коррекции), точно так же он, возможно, полагал приемлемой и конечную, известную нам, версию «Жизнеописания», так как обстоятельства последних месяцев 337 г. стимулировали быстрое обнародование им такого сочинения. Действительно, нет доказательств тому, что Евсевий работал над трактатом до самой своей смерти, и факт добавления другим автором названий к главам *ИС* с таким суждением совсем не связан.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что как «Церковная история» Евсевия не была похожа на классические «истории» того времени, так и «Жизнеописание» не было ни энкомием, ни биографией в жанре *ὁ βίος*, ни «историей», а сложным сочетанием трансформированных элементов такого рода сочинений. Следует учитывать, что Евсевий мог предвидеть появление разножанровых панегирических трактовок правления Константина, это ясно из текста его же известного труда *De laudibus Constantini* (далее – *LC*) [см.: Drake, 1975, p. 345–356]. Но если смотреть на *ИС* как на цельный документ, то трактат оказывается выпадающим из параметров тогдашних панегириков с их риторическими особенностями, конструируемыми в соответствии с принципами Менаандра Лаодикейского [см.: Russell, Wilson, p. 89–90], которые можно отследить в книге I, первой части книги II и которые частично повторяются в книге IV, высвобождая остальное поле второй части книги II и всей книги III для широкого повествования в духе исторического нарратива, насыщенного документалистикой. Мы должны учитывать, что в конце первой трети IV в. еще не существовало жанра и формы христианского энкомия, осознанного и усвоенного на интеллектуальном уровне. Однако еще к началу IV в. жизнеописания и жития, как языческие, так и христианские, окончательно утвердились в качестве идеологических мессиджей [см.: Hägg, Rousseau, p. 2–4], и Евсевий мог располагать, например, такими недавними образцами подобного рода документов, как жизнеописания Протагора и Плотина, созданные Порфирием, труды которого он постарался опровергнуть в других своих сочинениях. Книга VI его «Церковной истории» (*Historia*

ecclesiastica, далее – *HE*) содержит материалы, составляющие ряд тезисов жития Оригена, являвшегося в глазах Евсевия выдающейся личностью [см.: *HE*, VI, 1–36; Сох, р. 69–101; Cameron, Hall, р. 34–39]. Кесариец также знал жизнеописание Аполлония Тианского [см.: Cameron, 1997, р. 247–251; Cameron, 2000, р. 81–162] и житие Антония, как правило, считающееся одним из первых сочинений подобного жанра, написанных еще до смерти Евсевия [см.: Cameron, 2000, р. 73–74, 87; Rousseou, р. 89–109].

С учетом такого рода обстоятельств можно охарактеризовать *VC* как «политическое», а не классическое житие (пронизанное мотивами аскетизма, чудес и т. д.), как, например, жизнеописания Плотина или Пифагора, – однако же оно имеет достаточно признаков агиографического документа⁷, хотя бы потому, что рисует Константина как «богоподобного мужа» (θεῖος ἄνθρωπος) или же героя, отмеченного божественными знаками. Ибо как Моисею было даровано знамение неопалимой купины, так свое видение обретает и Константин. Агиография и энкомиастика обладали в начале IV в. уже достаточным набором общих формальных признаков, и если объект, рефлектируемый ими, был императором, то использование весьма определенного жанра императорского энкомия означало наличие еще более тесной связи между житийными и панегирическими составляющими, чем это было принято в повседневной литературно-политической практике. При всем при этом масштабное включение в текст *VC* разнообразных документов (методика, примененная автором ранее в «Церковной истории») являлось новацией, абсолютно противоречащей существующим агиографическим принципам⁸. Новация заключалась и в том, что эти документы должны были подтверждать избранничества Константина Господом и служить гарантией истинности свидетельств Евсевия, – истинности, о которой он писал в первых разделах трактата [*VC*, I, 10]. Раздумья Кесарийца о роли и миссии Константина, имевшие место после 325 г.

⁷ Барнс, сравнивая *VC* с житием Антония (употребив при этом термин «эксперимент в агиографии») [Barnes, 1989, р. 108, 110], допустил знание Евсевием «Жизнеописания Аполлония Тианского», даже отрицая принадлежность последнего к жанру житий и характеризуя его как «что-то среднее... между церковной историей и агиографией» [Ibid., р. 116].

⁸ Некорректной представляется попытка сравнить практику документационного обеспечения текста *VC* с включением в текст «Жития Антония» длинных речей, приписываемых этому святому [см.: Cameron, Hall, р. 31, п. 109], хотя бы потому, что, по мнению большинства специалистов, большинство приводимых Евсевием документов подлинные.

(т. е. после устранения Лициния и Никейского собора), а также его зрелые суждения об Императоре (!) достаточно полно были изложены в *LC*, сочинении, датированном довольно близко к той версии *VC*, которую мы имеем.

Жанровые мотивы, которые *VC* разделяет с βασιλικός λόγος⁹, следующие: синкрисис (при сравнении с другими правителями) [см.: *VC*, I, 7–9], генос (при характеристике рождения, семьи, воспитания) [см.: *Ibid.*, I, 12–13], юность и начало соучастия в делах [см.: *Ibid.*, I, 19–20], воинские подвиги (описанные, несмотря на первоначальный отказ автора от таких сюжетов) [см.: *Ibid.*, I, 25–40], деяния мирного времени [см.: *Ibid.*, I, 41–42], вновь деяния на войне [см.: *Ibid.*, 46 sq.]. Разделы *VC* II, 1–19 по сути продолжают повествование о воинских подвигах описанием кампании против Лициния и окончательной победы героя трактата. Сходство *VC* с императорским панегириком весьма велико, оно касается терминологии, мотивов и типов аргументации, о нем имеют место специальные рассуждения, например, в пассаже о видении Константина [см.: *Ibid.*, I, 28–29]. *VC* также демонстрирует внимание к визуальной презентации императора, к его внешности, а подобный тренд, как известно, проявляется и в латинских панегириках, и в изобразительном искусстве того времени¹⁰. В *VC*, II, 20 Евсевий пишет об указах Константина и его последующей политике в отношении христианства; данные пассажи, несмотря на свою длительность, вполне подпадают под категорию деяний в мирное время и включают в себя стандартный на этот счет материал (законодательная и строительная деятельность и т. п.). Книга IV отличается смещением энкомиастики с подробностями личных качеств героя, например – констатация филантропии, *liberalitas* Константина [см.: *Ibid.*, IV, 1–4] и тут же восхваление его внешней политики [см.: *Ibid.*, IV, 5–14.1]; далее – констатации *pietas* [см.: *Ibid.*, IV, 14–25] и *iustitia* императора [см.: *Ibid.*, IV, 29–39]; в *VC*, IV, 40 Евсевий описывает в основном события и эпизоды конца жизни своего героя. Барнс рассматривает разделы *VC*, II, 24–60, III, 5–22 как «заготовки для документированной истории», а разделы *VC*, I, 26–46 (описание войны с Максенцием) считает связным повествованием, прерывающим последовательно панегирический текст [см.: Barnes, 1989, p. 105–106; ср.: p. 106–107 и разделы *VC*, I, 48–II, 19].

⁹ См. об этом: [Russell, Wilson, p. 77–78; Nixon, Rodgers, p. 21–26; Mause, s. 34–36; Pasquali, 1910, s. 384–385; Tartaglia, p. 8].

¹⁰ О сравнении мотивов *Panegyrici Latini* с мотивами памятников изобразительного искусства см.: [Smith, p. 194–201].

Если задаться вопросом: каковы были источники знакомства Евсевия с риторическими деталями панегириков, то можно согласиться с Камерон и Хэллом в том, что он вряд ли знал компендиум *Panegyrici*, где были соблюдены общие правила βασιλικός λόγος; предписания же, изложенные в трактатах по риторике, являлись программным меню в тогдашней системе высшего образования [см.: Cameron, Hall, p. 32; ср.: Nixon, Rogers, p. 10–14]. Тем не менее, если первая половина книги I (в отличие от LC) действительно следует общим правилам риторики, заложенным Менандром Лаодикейским [см.: Wilson, 1981, p. VI], то в других местах трактата элементы панегирика, а также обычного или исторического повествования смешиваются в самых разных пропорциях, как это наблюдается в более поздних житиях святых. Неординарным приемом нарратива, использованным Евсевием, является упущение имен собственных (Диоклетиана, Максимиана, Максимины, Галерия, Ария, Афанасия – VC, I, 26). Отнюдь не приемами панегирика (в строгом смысле) можно считать использование связного рассказа в хронологическом, а не тематическом плане и уж тем более включение в текст пространственных документов. Как уже отмечалось специалистами, определенное сходство с манерой жизнеописаний Плутарха можно увидеть в приемах сравнения Константина с императорами-гонителями [см.: Ibid., III, 1]¹¹. Такого рода преемственность античного имперского жанра, по мнению Р. Морли, привела к определенному противопоставлению моралистического стиля жизнеописаний стилю энкомия, и это породило новый жанр, который, «вероятно, ничем не был обязан римским источникам» [Morley, p. 180]. Мнение Морли представляется весьма дискуссионным хотя бы потому, что сам Евсевий явно не сомневался в четкости природы жанра VC, в отличие от современных критиков этого документа.

Вопрос о потенциальной аудитории VC также весьма спорен. Поскольку автор обращался к возвышенному стилю своего нарратива, то, видимо, правы те специалисты, которые полагают, что трактат был адресован смешанной аудитории, особенно тем, кто имел хотя бы минимальное влияние при дворах верхушки власть имущих, включая самих сыновей Константина. Конфессиональная принадлежность этой аудитории, скорее всего, рассматривалась автором как вторичный мотив; трактат явно

¹¹ Тарталья обращает внимание на особое значение жанра биографии для христианских писателей и на то, в каком смысле жизнь Константина рассматривается Евсевием как модель христианской биографии [см.: Tartaglia, p. 9; ср.: Ruhbach, s. 201–203].

был адресован как христианам, так и язычникам. Известно, что аудитория Pan. Lat. V (VIII), произнесенного 31 марта 312 г., состояла, по словам самого панегириста, из Константина, его *amici*, высоких официалов, а также прибывших в Трир делегатов от городских общин Галлии. Такое известное сочинение Евсевия, как *De laudibus Constantini*, было доставлено в Константинополь на празднование триценналий Константина; известно, что при декламации присутствовали и языческие риторы [см.: Drake, 1975, p. 345–356]. Панегирики писались для исполнения, и Евсевий не являлся исключением в понимании состава своей потенциальной аудитории [см.: L’Huillier, p. 119, 287–303]. Язык и общая презентация трактата подчеркнута нейтральны; библейские аллюзии нечасты и, как правило, лишены ясности, а прооймий выполнен в высоком стиле и явно подражает классической риторике. Сравнение Константина с Моисеем таково, что могло быть понятно как язычникам, так и христианам, тем более что уже фигурировало в современной *VC* литературе; в нескольких пассажах трактата оно выполнено утонченно классическим греческим языком. Недаром в одном месте трактата автор жалуется на присутствие псевдохристиан при дворе Константина [см.: *VC*, IV, 54], а в другом пишет о регулярных публичных проповедях императора, отмечая, что аудитория часто приходила на них просто из любопытства и оставалась невозмутимой [см.: *Ibid.*, IV, 29]. Вполне вероятно, что среди членов двора были люди разных убеждений и конфессий, а также многие, кто предусмотрительно держал при себе клиентов-советников. То же самое, скорее всего, можно сказать о первых читателях трактата. Чтобы привлечь внимание всех этих разнообразных групп, *VC*, само по себе насквозь христианское сочинение, использовало язык и литературные стили, которые соответствовали, по крайней мере в общих чертах, классическим образцам. Однако подобные обстоятельства никоим образом не свидетельствуют о каких-то колебаниях или сомнениях в правящей верхушке империи относительно основных линий религиозной политики [см.: Drake, 1976, p. 33–35]. Основной чертой ее оставался голый прагматизм [см.: Grégoire, s. 175–233; Bleichen, s. 64–108; Bringmann, s. 21–47; Brandt, s. 53–67, 165–167]. Столь же изрядный заряд прагматизма мотивировал Евсевия при создании «Жизнеописания Константина».

Козлов А. С. Проблема аутентичности трактата *Vita Constantini* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Вып. 15. С. 120–133.

Козлов А. С. Эволюция и источники трактата *Vita Constantini* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 283–302.

Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. СПб. : Алетейя, 1998.

Barnes T. D. Panegyric, History and Hagiography in Eusebius' Life of Constantine // The Making of Orthodoxy: Essays in Honour of Henry Chadwick / ed. R. Williams. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. P. 94–123.

Barnes T. D. The Two Drafts of Eusebius' "Life of Constantine" // T. D. Barnes From Eusebius to Augustine. Selected Papers 1982–1993. Aldershot : Ashgate Publishing, 1994. Nr 12. P. 1–11.

Bleichen J. Constantin der Große und die Christen. Überlegungen zur konstantinischen Wende // Konstantin und das Christentum / hrsg. H. Schlang-Schöningen. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft (Neue Wege der Forschung), 2007. S. 64–108.

Brandt H. Konstantin der Große: Der erste christliche Kaiser. Eine Biographie. München : C. H. Beck Verlag, 2006.

Bringmann K. Die konstantinische Wende. Zum Verhältnis von politischer und religiöser Motivation // Historische Zeitschrift. 1995. Bd. 260, H. 1. S. 21–47.

Burgess R. W., Witakowski W. Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronography. I: The Chronici canones of Eusebius of Caesarea: structure, content, and chronology, ad 282–325; II: The Continuatio Antiochensis Eusebii: A Chronicle of Antioch and the Roman Near East during the Reigns of Constantine and Constantius II, AD 325–350. Stuttgart : Steiner, 1999.

Cameron Av. Eusebius's *Vita Constantini* and the Construction of Constantine // Portraits: The Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford : Clarendon Press, 1997. P. 245–274.

Cameron Av. Form and Meaning. The *Vita Constantini* and *Vita Antonii* // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage, 31) / ed. T. Hägg, P. Rousseau. Berkeley, Los Angeles : Univ. of California Press, 2000. P. 72–88.

Cameron Av., Hall S. G. Eusebius of Caesarea: Life of Constantine. Oxford : Clarendon Press, 2001.

Cox P. Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man. Berkeley : Univ. of California Press, 1983.

Drake H. A. What Eusebius Knew: The Genesis of the *Vita Constantini* // Classical Philology. 1988. Vol. 83, Nr 1. P. 20–38.

Drake H. A. When was the De laudibus Constantini Delivered ? // Historia. 1975. Nr 24. P. 345–356.

Drake H. A. In Praise of Constantine: A Historical Study and New Translation of Eusebius' Tricennial Orations. Berkeley : University of California Press, 1976 (Classical Studies, 15).

Dzielska M. Apollonius of Tyana in Legend and History (Problemi e ricerche di storia antica, X). Rome : L'Erma di Bretschneider, 1986.

Eusebius Werke, I. 1. Über das Leben des Kaisers Konstantin / ed. F. Winkelmann (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, 7.1). Berlin : Akademie-Verlag, 1975.

Farina R. L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. Zürich : Pas Verlag, 1966.

Grégoire H. Die „Bekehrung“ Konstantins des Großen // Konstantin der Große / hrsg. H. Kraft. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974. S. 175–233.

HE – Historia ecclesiastica: Eusebius von Caesarea. Kirchengeschichte // hrsg. E. Schwartz (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller. Bd. 9, т. 3). Leipzig : J. C. Hinrichs, 1909.

Hall S. G. Eusebian and Other Sources in the Vita Constantini, I // Logos: Festschrift für Luise Abramowski / ed. H. Brennecke et al. Berlin : de Gruyter, 1993. P. 239–263.

Hägg T., Rousseau Ph. Introduction: Biography and Panegyric // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 31) / ed. T. Hägg, Ph. Rousseau. Berkeley ; Los Angeles : Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 1–28.

Heikel I. A. Einleitung // Eusebius Werke, B. 1: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung. Tricennalsrede an Constantin / hrsg. I. A. Heikel (Die griechischen christlichen Schriftsteller. Bd. 7). Leipzig : Hinrichs, 1902. S. I–CVIII.

Heim F. La Théologie de la histoire de Constantin Théodose (Théologie historique, 89). Paris : Beau-chesne, 1992.

L'Huillier M.-C. L'Empire des mots: Orateurs gaulois et empereurs romains. 3e et 4e siècles. Paris : Les Belles Lettres, 1992.

Mause M. Die Darstellung des Kaisers in der lateinischen Panegyrik (Palinogenesia, 50). Stuttgart : Franz Steiner, 1994.

Moreou J. Euseius von Caesarea // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart : Hiersemann, 1966. Bd. 6. Sp. 1052–1058.

Morley R. The Idea of Universal History from Hellenistic Philosophy to Early Christian Historiography. Lewiston ; N. Y. : Edwin Mellen Pr, 1996.

Nixon C. E. V., Rodgers B. S. Introduction // Praise of Later Roman Emperors. The *Panegyrici Latini*. Introduction, Translation and Commentary. Berkeley : University of California Press, 1994. P. 1–34.

Pan. Lat. – Panegyriques Latins / Texte établi et trad. par. ed. Galletier. P. : Les Belles Lettres, 1949–1955. Vol. I–III.

Pasquali G. Die Composition der *Vita Constantini* des Eusebius // Hermes. 1910. Bd. 46. S. 369–386.

Rousseau Ph. Antony as Teacher in the Greek Life // Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity (The Transformation of the Classical Heritage 31) / ed. T. Hägg, Ph. Rousseau. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. P. 89–109.

Ruhbach G. Apologetik und Geschichte: Untersuchungen zur Theologie Eusebs von Caesarea : Diss. Theol. Heidelberg, 1962.

Russell D. A., Wilson N. G. Introduction // Menander Rhetor / ed. D. A. Russell, N. G. Wilson. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford University Press, 1981.

Smith R. R. R. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century // The J. of Roman Studies, 1997. Vol. 87. P. 170–202.

Straub J. A. Vom Herrscherideal in der Spätantike. (Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte, XVIII.). Stuttgart : Kohlhammer, 1964.

Tartaglia L. La forma letteraria della Vita Constantini di Eusebio die Cesarea // Forme letterarie nella produzione latina di IV–V secolo / ed. F. E. Consolino. Rome : Herder, 2003. P. 7–17.

VC – Vita Constantini: Eusebius Werke, I. 1. Über das Leben des Kaisers Konstantin / ed. F. Winkelmann (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, 7.1). Berlin : Akademie-Verlag, 1975.

Wallace-Hadrill D. S. Eusebius of Caesarea. London : Mowbray, 1960.

Wilson A. Biographical Models: the Constantinian Period and Beyond // Constantine: History, Historiography and Legend / ed. S. N. C. Lieu, D. Montserrat. London : Routledge, 1998. P. 107–135.

Wilson N. G. Introduction // Menander Rhetor / ed. D. A. Russell, N. G. Wilson. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 1981.

УДК 94(363)

А. М. Харитонов

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ РАБОТЫ С ОБЪЕКТАМИ ЛЕГЕНДАРНОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются некоторые легенды о происхождении германских народов в разрезе средневековой и античной географии. Показано возможное использование этих преданий восточной средневековой космографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Асгард, асы, ваны, норманны, нарт, Скифия.

Современная научно-техническая революция кардинально меняет наши представления даже о нашем родном языке. Совсем недавно поймал себя на мысли, что воспринимаю выражение из классического детектива, где главный герой «распечатал почту», как распечатку файлов, присланных по электронной почте, с помощью принтера. Потребовалось